

Мысленный эксперимент как эпистемологический инструмент биоэтической экспертизы*

Б. И. Пружинин^{1,2}, В. А. Ветров^{1,3}

¹ Институт логики, когнитологии и развития личности,
Российская Федерация, 129110, Москва, пр. Мира, 70

² Институт философии РАН,
Российская Федерация, 109240, Москва, ул. Гончарная, 12

³ Государственный академический университет гуманитарных наук,
Российская Федерация, 119049, Москва, Мароновский пер., 26

Для цитирования: Пружинин Б. И., Ветров В. А. Мысленный эксперимент как эпистемологический инструмент биоэтической экспертизы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2023. Т. 39. Вып. 4. С. 671–681.
<https://doi.org/10.21638/spbu17.2023.406>

В центре внимания авторов находится эпистемологическая проблематика, возникающая в области этического нормирования биомедицинских исследований и применения биомедицинских технологий. Дело в том, что биоэтическая экспертиза стремится ограничить или запретить некоторые направления исследований биомедицинской реальности, оценивая возможные негативные последствия их применения в человеческом общегитии. Однако в этом случае экспертной оценке подлежит не столько содержание самих биомедицинских исследований, сколько нравственный потенциал отдельных акторов ориентированного на науку производства и социальных структур, т.е. биоэтика (заметим, не без оснований) не доверяет человеку и обществу в целом, и потому заявляет о чрезвычайной важности этического регулирования в этой и прилегающих областях. Собственно когнитивная составляющая таких исследований остается при этом вне поля зрения экспертизы. Более того, само углубленное обращение к содержанию этих исследований фактически блокируется биоэтикой, что оборачивается резким возрастанием социокультурной (региональной и прагматической) релятивности этических оценок допустимости биомедицинских разработок. Мы полагаем, что расширение когнитивной составляющей соответствующих экспертных оценок возникает в результате обращения к эпистемологическому потенциалу мысленного эксперимента, который позволяет построить в рамках экспертизы модель реально неосуществимой (а конкретно в биоэтике еще и морально неопределенной) ситуации. Тем самым мысленный эксперимент открывает дополнительную возможность уточнять (конкретизировать) действительную сферу применимости принципов и норм биоэтики за счет взаимодействия в экспертных оценках социально-гуманитарных и естественных наук.

Ключевые слова: биоэтика, биомедицина, экспертиза, мысленный эксперимент, эпистемология.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФН в рамках научного проекта № 22-28-01632 «Экспертиза как эпистемологический феномен гносеологическое в контексте различения фундаментальных и прикладных установок в науке».

Биомедицинские исследования и технологии являются сегодня одной из наиболее контролируемых обществом областей современной науки. Сравниться с ними в масштабах контроля может, пожалуй, лишь сфера исследований, так или иначе связанных с разработкой ядерного оружия. Причины такого внимания общества к этим сферам научных исследований и разработок очевидны. Однако сегодня становятся явными и различия в характере контроля. В регулировании биомедицинских исследований последние полвека большую роль играют общественные объединения, апеллирующие к нравственным доводам. Они вступают в контакт с исследовательскими сообществами, опираясь, в частности, на коллективно принятые этические нормы. Более того, сами исследователи признали важность этической, юридической и социальной оценки планируемых исследований. Этот процесс воплотился в нормах исследовательской этики, закрепленных на международном уровне. Таковы, в частности, требования исследовательской этики, сформулированные в декларациях Всемирной медицинской ассоциации (в Хельсинской декларации 1964 г. и во всех ее последующих версиях) [1].

Апелляция к этике, бесспорно, придает регулированию в области биомедицинских исследований общественно значимый культурно-исторический авторитет. Так что ученые, работающие в этой и смежных областях, не могут не считаться с рекомендациями биоэтики. Но вместе с тем их практическое применение предполагает обязательное обращение к повседневной реальности, к жизненному миру людей, так или иначе заинтересованных в результатах биомедицинских исследований. Такое обращение в каждом конкретном случае необходимо для уточнения социально-гуманитарного смысла оснований конкретных биоэтических рекомендаций. Контекст применения релевантных этических норм рассматривается и уточняется прежде всего в рамках социально-гуманитарных наук. Но при этом уточнение всякий раз предполагает как обращение к частной, уникальной жизненной (регионально-культурной) ситуации, в которой применяются принципы биоэтики, так и апелляцию к предельно широкому культурно-историческому контексту, в котором требования избегать исследований, чреватых риском для индивида и общества в целом, приобретают статус универсального этического запрета. В результате на фоне разнонаправленных уточняющих запросов внутри биоэтической нормативной практики проступает фундаментальная, по сути философско-методологическая проблематика, которую в целом можно представить как вопрос: где, в каком месте духовного и интеллектуального пространства общества и индивида находится (или должна находиться) биоэтика по отношению к биомедицинской науке и науке вообще?

Вполне обоснованной выглядит позиция, согласно которой биоэтика и биомедицина находятся в синтезе, состоящем из таких общих целей и онтологических обязательств, как осторожность, ответственность и тщательность. Но не менее основательной выглядит и другая позиция, согласно которой биоэтика требует свободы для того, чтобы критически реагировать на деятельность в области биомедицины. Очевидно, однако, что обе позиции несут в себе неизбежные риски: если биоэтика слишком близка к биомедицинской науке, существует опасность некритического принятия целей любых биомедицинских исследований и практик, а если дистанция между биоэтикой и биомедициной становится слишком значительной, то биоэтика рискует потерять свою роль в принятии содержательных решений

в реальных биомедицинских сценариях. Таким образом, в конкретных ситуациях биоэтические оценки релятивизируются в пространстве философских по своей сути споров об основаниях этических требований к биомедицинским исследованиям. Эти требования так или иначе погружены либо в уникальную жизненную среду, либо в общегуманитарную, общечеловеческую. И это обстоятельство обнажает суть внутренней противоречивости претензий биоэтики, пытающейся нормировать биомедицинские исследования, опираясь лишь на социогуманитарные оценки рисков. На наш взгляд, определенную перспективу не решения, конечно же, но практически эффективного уточнения релевантной проблематики открывают экспертные практики, привлекаемые биоэтикой. И соответственно, обращение биоэтики к эпистемологическому инструментарию экспертизы позволяет вырабатывать более рациональные (обоснованные) биоэтические рекомендации.

Мы отдаем себе отчет в том, что в данном случае наше обращение к экспертным практикам требует весьма обстоятельных пояснений. Начнем с того, что любая экспертная оценка представляет собой в принципе ответ на общественный запрос, возникающий в силу неопределенности тех или иных практических ситуаций. В этом плане экспертиза является, по своей сути, социально-гуманитарным феноменом (и потому вполне созвучна с основаниями и целями биоэтики). Это обстоятельство отнюдь не исключает, но, скорее, настоятельно предполагает также основательное независимое (и в этом смысле объективное) научное исследование оцениваемых в экспертизе неопределенных ситуаций [2; 3]. Но именно такого рода исследование неопределенных по самой своей сути ситуаций и блокирует биоэтика (причем блокирует, как правило, опираясь на абстрактные принципы этического нормирования и не учитывая конкретные прецеденты). А между тем во всех случаях применения биоэтических рекомендаций о недопустимости того или иного биомедицинского исследования наряду с апелляциями к социокультурному авторитету этики неизбежно присутствует в качестве своего рода содержательного фона также массив неявных апелляций к вполне конкретным (жизненным) биомедицинским ситуациям. А потому вопрос о допустимости самих биоэтических запретов и ограничений требует обстоятельного анализа именно конкретных последствий выполнения или невыполнения биомедицинского исследования. Мы полагаем, что содержательную предметную оценку реальности, исследование которой как раз и блокирует биоэтика, можно тем не менее осуществлять, опираясь на эпистемологический потенциал экспертных практик, широко использующих мысленный эксперимент.

И еще одно уточнение, уже по поводу эксперимента. Его традиционная (и вполне правомерная, а потому широко распространенная до сих пор) трактовка сводится к следующему: это преобразование непосредственно данной (очевидной) реальности с целью проверки далеко не очевидной гипотезы о подлинных основаниях этой реальности. Такое понимание эксперимента господствовало в теории познания со времен Галилея. Соответственно, мысленный эксперимент, коль скоро заходила речь о его когнитивном потенциале, трактовался лишь как мысленный аналог реального эксперимента, отличающийся своими идеальными параметрами. Но наука со времен Галилея сильно изменилась. Эксперимент, помимо своих традиционных когнитивных функций, стал формой выявления нового знания, что реализовалось и в его экспертной роли внутри современной науки. Сегодня эксперимент, помимо

подтверждения (воспроизводимости) исходной гипотезы, выявляет то, что мешает полной репликации полученного результата. И в этом плане мысленный эксперимент также перестал сводиться к мысленной проработке проверяемой (реплицируемой) гипотезы. Он стал средством выявления спектра возможных результатов при мысленной модификации исходной гипотезы в неожиданных (неочевидных) ракурсах [4–6]. Вот этот момент «неважного», несущественного с точки зрения исходной гипотезы и даже «невозможного» как раз и приобретает особую эпистемологическую значимость применительно к проблемам биоэтики.

Заметим, кстати, что в этом обозначенном выше ракурсе мысленный эксперимент — отнюдь не новое явление даже в сфере гуманитарной науки и, в частности, в философии (более подробно об этом см. работы В. П. Филатова [7], Л. А. Микешинной [8]). Иллюстрацией может здесь послужить знаменитое «Пари Паскаля». Если вы верите (допускаете), что Бог есть, то это допущение, конечно же, усложняет вашу повседневную жизнь. Но при этом у вас есть рационально допустимая перспектива вечной прекрасной жизни в иной реальности. Если же вы допускаете, что Бога нет, это допущение может служить вполне рациональным доводом, чтобы сделать вашу жизнь открытой для любого рода удовольствий. Но вы рискуете попасть в ад, если Бог есть. Таким образом, этот мысленный эксперимент выступает как оценка реальных оснований уверенности в том, что выходит за пределы этой непосредственно данной реальности (т.е. как рациональное основание для экспертной оценки ситуации).

И наконец, опираясь на сказанное выше, мы можем задать вопрос: как именно мысленный эксперимент вписывается в методы биоэтической экспертизы? В самой биоэтике существует богатая традиция сбора эмпирических данных для информирования, дополнения или проверки последствий нормативного этического анализа. Для углубления понимания ключевых проблем биоэтики специалисты использовали различные методы, включая качественные интервью, фокус-группы, этнографические исследования и опросы общественного мнения. При этом они установили тесные связи с такими соседними социально-гуманитарными дисциплинами, как антропология, история, право и социология. В совокупности эти направления исследований прочно вошли в более широкую область «эмпирической биоэтики» [9].

Что же означает «эмпирический» в биоэтической экспертизе? Для исследователей в этой области «эмпирический» означает социальный контекст, а «эмпирическая этика» — исследования в области этики, которые принимают во внимание социокультурный контекст. Социальный контекст может относиться к институциональным, культурным, пространственным или виртуальным измерениям жизни человека [10]. В среде биоэтиков наблюдается определенный консенсус относительно эмпирической этики как подходящего метода (или, вернее будет сказать, ряда методологий) для формулирования ответов на практические моральные вопросы [11]. И в рамках таким образом практически ориентированной биоэтической проблематики возникает когнитивная потребность в мысленном эксперименте, включающем в себя ее философское измерение как культурно-исторического феномена.

Проблематичным аспектом эмпирической биоэтики является ее сложная концептуальная структура. В реальных биоэтических практиках мы можем констатировать некоторое внутреннее напряжение, поскольку биоэтическая экспертиза

демонстрирует нам нечто большее, чем указание на фактические данные для поддержки нормативной, философской по сути, аргументации. Бесспорно, философский аргумент может требовать поддержки, однако нормативный вывод не должен опираться исключительно на эмпирический материал, так как эмпирические данные сами по себе также имеют нормативные предпосылки. Вместе с тем редуцирование «должного» и «хорошего» к тому, что «думают люди», чревато субъективизацией и в конечном счете размыванием биоэтической экспертизы. Так что для формирования обоснованных экспертных решений необходимо понимание и установление сложного взаимовлияния нормативного и эмпирического. Именно здесь актуальным инструментом становится мысленный эксперимент, в каком-то смысле возвращающий биоэтику к философским истокам, с одной стороны, и к последующему формированию практических решений — с другой. В аналогичном направлении размышляли в свое время П. Д. Тищенко и Б. Г. Юдин [12; 13].

Мысленный эксперимент — это воображаемая ситуация (с разной степенью опоры на эмпирические данные), созданная для того, чтобы выявить наши чувства или интуицию по какому-либо вопросу и найти рациональные доводы в пользу того или иного ответа на него. Иными словами, мысленный эксперимент в этом контексте — не просто проработка в идеальном пространстве мысли реального эксперимента, идеальное моделирование материальной трансформации непосредственно данной реальности с целью получить заданный (предположенный как реальный) результат. В данном случае мысленный эксперимент выступает как поиск рациональных метафизических по сути аргументов для обоснования вполне эмпирически ориентированной гипотезы.

Интересным является тот факт, что А. Эйнштейн использовал этот же прием в период, предшествовавший экспериментальному подтверждению его теорий. Можно даже сказать, что на том этапе своей карьеры Эйнштейн был физиком-философом [14]. Аналогичным примером является «проблема вагонетки» Ф. Фут [15], оригинально сформулированная в контексте дилемм аборта, и ее итерация в «медицинских декорациях», где присутствуют пять пациентов — один здоровый и четыре нуждающихся в немедленной пересадке печени, почек и сердца. В этой версии этический вопрос формулируется так: «Следует ли убить здорового человека и провести трансплантацию его органов больным людям?» Помимо изначального смысла этого эксперимента и его модификаций в рамках чисто этического рассуждения, интерес представляет контекстуально изменяющаяся моральная интуиция, делающая несостоятельными предположения о существовании «универсальной моральной грамматики» [16]. Так мысленный эксперимент ориентирует (именно ориентирует, как это делает философия) на поиск рациональных доводов, апеллирующих к биомедицинской реальности.

В повседневной жизни нечто подобное описанному выше происходит с «правом не знать» в практике генетического тестирования. Генетические заболевания имеют разную пенетрантность и экспрессивность, т. е. заболевание, при наличии соответствующей мутации, может, во-первых, не возникнуть, во-вторых, проявляться в разной степени. Еще более сложная ситуация возникает, когда лечения не существует (орфанные заболевания), либо срок манифестации (появления болезни) является поздним. Целесообразно ли, а главное, морально ли сообщать пациенту такую информацию, учитывая, что она определенно способна вызвать у него

дистресс и тревогу? И если по поводу орфанных заболеваний существует консенсус — такую информацию не следует сообщать, более того, на них не проводится тестирование (что, к слову, остается дискуссионным в современных исследованиях), то в случае с переменной пенетрантностью и экспрессивностью мы приходим к необходимости рассмотрения каждого отдельного случая из-за высокой доли неопределенности. В такого рода «размытых» ситуациях возникает потребность в экспертной оценке, где может быть весьма полезен мысленный эксперимент, ясно демонстрирующий биомедицинскую неопределенность. Так, например, при формулировании перечня заболеваний в австралийской государственной программе «Миссия Маккензи» по расширенному скринингу на носительство генетических заболеваний исследователи опирались на принцип: «Если типичная пара предпримет шаги, чтобы избежать рождения ребенка с таким заболеванием...» [17]. Очевидно, что реализация этого принципа подразумевает мысленное экспериментирование.

Конечно, связанная с мысленным экспериментом «философская биоэтика» может представляться специалистам, пришедшим из более традиционных областей медицины, биологии, юриспруденции и пр., странной, в том числе и по причине наличия в ее аргументации доводов, где принятие решений происходит в абстрактных, придуманных сценариях, которые редко похожи на рационализированную практическую реальность [18]. Но в этой непохожести и коренятся рациональные доводы. Один из многочисленных примеров эффективности такого рода сценариев при выявлении проблемных нормативных предпосылок биоэтических рекомендаций — рассуждение о проблеме «не-идентичности» (см.: [19]). Магистральной в данном случае является книга Д. Парфита «Причины и личности» [20], где описываются мысленные эксперименты «Истощение» и «Медицинские программы», проводящие различие между действиями, влияющими на конкретных индивидов (*person-affecting*), и безличными (*impersonal*). Также поднимается вопрос о моральной предпочтительности того или иного типа действия. При этом Парфит показывает, что безличные действия сложно оценить с моральной точки зрения. Взгляды на данную проблему можно разделить на три типа: 1) связанный с принципом воздействия на конкретного человека (*person-affecting principle view*), из которого следует, что безличные действия не имеют морального веса (хорошего или плохого), так как не помогают или не вредят конкретному человеку; 2) «без разницы» (*no-difference view*). Позиция, которая говорит о большей важности выбора общего благополучия будущих людей по сравнению с определением, какие индивиды будут существовать. Таким образом, если при любом из двух возможных исходов будет существовать одинаковое количество людей, предпочтительней та ситуация, где общее качество жизни выше; 3) приоритет действий, влияющих на конкретных людей (*person-affecting priority view*). В этом случае, несмотря на признание моральной важности общего благополучия, предпочтительней выбор в пользу улучшения жизни конкретных людей при прочих равных условиях [21].

Эпистемологический потенциал мысленного эксперимента позволяет весьма успешно моделировать проблемные биомедицинские ситуации, которые, вероятно, возникнут в скором будущем: у женщины, планирующей беременность и готовящейся стать матерью, диагностировано тяжелое генетическое заболевание, которое может передаваться ее будущему ребенку. Генетическое же изменение по зародышевой линии поможет, но приведет к рождению другого, неидентичного

ребенка. Не выполняя лечение, мать не причиняет никому вреда, так как рожденный ребенок (пусть и не с идеальными «стартовыми» условиями) не является пострадавшим. В иной же ситуации его бы просто не было, но несуществование также не может расцениваться как причинение вреда. Следовательно, она не обязана проходить лечение и ее решение должно оцениваться как морально нейтральное. Тем не менее данный поступок интуитивно будет восприниматься как плохой (при условии, что технологии изменения полностью безопасны). Возникает дилемма, когда, с одной стороны, игнорирование родителем медицинских показаний, связанных с генетическими рисками, или халатность врачей осуждается вследствие рождения нездорового ребенка; с другой же, таким образом, подвергается осуждению сам факт его существования, что приводит к неоевгеническому теоретизированию геномного редактирования, построению строгих рамок «нормальности». Таким образом, отнюдь не всякая жизнь оказывается самоценной и достойной проживания, а лишь обладающая определенной степенью благополучия, что приводит к стигматизации общества по генетическим признакам.

Проблема «не-идентичности» затрагивает генетические предпосылки рождения и его уникальную среду. Это приводит к мысли об особой темпоральности зачатия и рождения, неповторимой ситуации, в которой мог появиться конкретный индивид. Таким образом, проблематизируется и концепт «времени и способа зачатия» [22], что оказывается весьма актуальным в контексте все большего использования вспомогательных репродуктивных технологий. Риски, связанные с ЭКО, — патологии и склонность к генетическим мутациям, пренатальный скрининг (который меняет отношение к эмбриону или плоду), генетическое вмешательство — приводят к рождению «другого» человека. Не помогает и популярная процедура криоконсервации гамет, так как оказывается, что временная природа субъекта не может быть остановлена или «заморожена» [23]. Так что мысленные эксперименты выявляют проблемные аспекты целей здравоохранения, которые могут казаться для «не-философов» очевидными и непротиворечивыми — здоровье, повышенное качество жизни, избавление и смягчение болезней и страданий. Именно мысленная (философская) экспертиза делает акцент на множестве неочевидных, но крайне важных проблем (определения блага и вреда, а также их асимметрии в восприятии), она ориентирует поиски ответа на вопрос, где проходит грань между лечением и модификацией, она выявляет основания решений о том, всегда ли пациент должен быть информирован о своем состоянии (дебаты по этому поводу привели к формированию «права не знать»), а также позволяет уточнить, насколько автономия пациента способствует принятию правильных решений и какие факторы на его решение влияют и пр.

При этом мы считаем нужным подчеркнуть, что мысленный эксперимент в биоэтике направлен на выявление ошибок не на уровне реализации биоэтических решений, но в отношении нерелексированных (неявных) ценностей и установок, определяющих наше «принятие» таких решений. Более того, мысленные эксперименты позволяют выявлять потенциальные ошибки в будущем, и именно поэтому в «философской биоэтике» часто можно найти рассуждения о будущих ситуациях, которые могут и не произойти и, соответственно, выявить ошибки в моральной экспертизе, о которых сейчас мы зачастую даже не подозреваем. Мысленные эксперименты в сфере биоэтики имеют сходство с эмпирическими: чтобы обнаружить

влияние изменения одной переменной, необходимо создать условия, при которых можно изменить именно ее, без трансформации других условий. Такой изоляции проблематично достичь в повседневной практике, тем более в мире социальных отношений. Мысленный эксперимент в биоэтической экспертизе эффективен прежде всего для выявления и аналитической экспертной оценки того, что предпосла- но в конкретной ситуации биоэтическому нормированию.

Если проблемы нормирования биомедицинских исследований решаются эти- кой классически, то сами этические оценки «погружаются» в конкретные противоре- чия. Лишь тогда, когда биомедицинское исследование приобретает форму экс- пертизы, оно обретает эпистемологические параметры, отрывающие возможность для демонстративного мысленного эксперимента, что и позволяет погрузить об- суждение перспектив того или иного конкретного ответа на социально-гумани- тарный запрос в контекст предметных биологических и медицинских альтернатив. Биоэтическое нормирование в форме мысленного эксперимента предполагает, с одной стороны, подключение пациента (со всем его жизненным миром) к оценке модели решения конкретных биомедицинских проблем, а с другой — открывает возможность для привлечения всего потенциала науки (в том числе естественной) к уточнению этического смысла конкретной биомедицинской проблемы. И бла- годаря реализации таких возможностей биоэтической экспертизе удается пре- одолевать разрыв, выводящий этические суждения о допустимости тех или иных биомедицинских исследований за рамки рациональных доводов. Появляется воз- можность синтезировать для обоснования реализации тех или иных биоэтических принципов методы гуманитарных и естественных наук. Мы полагаем, что такой подход способен стимулировать дальнейшее междисциплинарное исследование релевантной предметной сферы биоэтики.

Литература

1. WMA Declaration of Helsinki, *Ethical principles for medical research involving human subjects*. URL: <https://www.wma.net/policies-post/wma-declaration-of-helsinki-ethical-principles-for-medical-research-involving-human-subjects/> (дата обращения: 14.06.2023).
2. Пружинин, Б.И. (2021), Экспертиза как эпистемологический феномен, *Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология*, т. 37, вып. 3, с. 393–402.
3. Пружинин, Б.И. и Ветров, В. А. (2022), Экспертиза как форма развития науки: фундаментальное vs прикладное, *Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология*, т. 38, вып. 4, с. 534–546.
4. Лаймон, Р.и Франклин, А. (2021), Воспроизведение эксперимента, ч. I, *Вопросы философии*, № 8, с. 116–129.
5. Пронских, В. С. (2021), Всегда ли воспроизводимость важна и возможна для научного экспе- римента?, *Вопросы философии*, № 8, с. 103–115.
6. Пружинин, Б.И. (2021), Воспроизводимость эксперимента как инструмент познания (эписте- мологический анализ), *Вопросы философии*, № 10, с. 18–28.
7. Филатов, В.П. (2010), Мысленные эксперименты в науке и в философии, *Эпистемология и фи- лософия науки*, № 3, с. 5–15.
8. Микешина, Л. А. (2018), *Мысленный эксперимент*, его роль в исторической науке, *Диалог со временем*, вып. 65, с. 35–47.
9. Earp, B. et al. (2020), Experimental Philosophical Bioethics, *AJOB Empirical Bioethics*, no 11, pp. 30–33.

10. Singh, I. (2016), Evidence, Epistemology and Empirical Bioethics, in: Ives, J., Dunn, M. and Cribb, A. (eds), *Empirical Bioethics: Theoretical and Practical Perspectives (Cambridge Bioethics and Law, vol. 37)*, Cambridge University Press, pp. 67–83.
11. Edwards, K. and Deans, Z. (2016), Empirical Bioethics and the Role of the Professional Ethicist in Policy-Making: Politics, Authority and Expertise, in: Ives, J., Dunn, M. and Cribb, A. (eds), *Empirical Bioethics: Theoretical and Practical Perspectives (Cambridge Bioethics and Law, vol. 37)*, Cambridge University Press, pp. 51–66
12. Тищенко, П. Д. (1996), К вопросу о методологии мысленных экспериментов в биоэтике, в: *Философия биологии (памяти Р. С. Карпинской)*, М.: ИФ РАН, с. 194–213.
13. Юдин, Б. Г. (2018), *Человек: выход за пределы*, М.: Прогресс-Традиция.
14. Alpert, J. (2021), *A Philosophical Thought Experiment in Medical Ethics*. URL: [https://www.amjmed.com/article/S0002-9343\(21\)00557-X/fulltext](https://www.amjmed.com/article/S0002-9343(21)00557-X/fulltext) (дата обращения: 04.07.2023).
15. Foot, P. (1967), The Problem of Abortion and the Doctrine of the Double Effect, *Oxford Review*, no. 5, pp. 5–15.
16. Mikhail, J. (2007), Universal moral grammar: theory, evidence and the future, *Trends in Cognitive Sciences*, no. 11, pp. 143–152.
17. Kirk, E. P. et al. (2021), Gene selection for the Australian reproductive genetic carrier screening project (“Mackenzie’s Mission”), *European Journal of Human Genetics*, no. 29, pp. 79–87.
18. Moen, O. M. (2022), Why good work in philosophical bioethics often looks strange, *Theoretical Medicine and Bioethics*, no. 44, pp. 1–12.
19. Ветров, В. А. (2021), Проблема неидентичности в генетике: консеквенциалистский подход, в: *Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований: материалы XIX Международной научной конференции молодых ученых в области гуманитарных и социальных наук*, Новосибирск: НГУ, с. 66–69.
20. Parfit, D. (1984), *Reasons and persons*, New York: Oxford University Press Inc.
21. Doolabh, K., Caviola, L., Savulescu, J., Selgelid, M. and Wilkinson, D. (2019), *Is the non-identity problem relevant to public health and policy?* URL: <https://bmcmmedethics.biomedcentral.com/articles/10.1186/s12910-019-0379-5> Abs1 (дата обращения: 04.07.2023).
22. Lippman, A. (1992), Led (Astray) by Genetic Maps: The cartography of the human genome and health care, *Social Science & Medicine*, vol. 35, no. 1, pp. 1469–1476.
23. Charlene, G. (2019), *Many “Ways of Looking”: Physician Refusal of Embryo Transfer*. URL: <https://bioethics.hms.harvard.edu/journal/mdrefusal-embryo-transfer> (дата обращения: 12.07.2023).

Статья поступила в редакцию 13 мая 2023 г.;
рекомендована к печати 7 сентября 2023 г.

Контактная информация:

Пружинин Борис Исаевич — д-р филос. наук, гл. науч. сотр.; prubor@mail.ru
Ветров Владимир Андреевич — науч. сотр.; vetrov21v10@gmail.com

Thought Experiment as an Epistemological Tool for Bioethical Expertise*

B. I. Pruzhinin^{1,2}, V. A. Vetrov^{1,3}

¹ Institute for Logic, Cognitive Science and Development of Personality,
70, pr. Mira, Moscow, 129110, Russian Federation

² Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences,
12, ul. Goncharyaya, Moscow, 109240, Russian Federation

³ State Academic University for the Humanities,
26, Maronovsky per., Moscow, 119049, Russian Federation

* The research has been performed within the project supported by the Russian Science Foundation no. 22-28-01632 “Expert examination as an epistemological phenomenon in the context of distinction between fundamental and applied guidelines in science”.

The focus of the article is epistemological problems arising in the field of ethical regulation of biomedical researches and technologies. The bioethical expertise seeks to limit or to prohibit certain directions of research into biomedical reality, assessing the possible negative consequences of their application in human society. However, in this case, subject to expert evaluation is not biomedical research or technology itself, but rather the moral potential of individual actors of scientific production and society in general, i. e. bioethics (we note, not without reason) does not trust man and society, and therefore declares the extreme importance of ethical regulation in this and adjacent areas. At the same time, the actual cognitive component of such a research remains outside of expertise, blocked by bioethics itself, which leads to an increasing value of socio-cultural (regional and pragmatic) relativity of ethical assessments of the admissibility of biomedical developments. We believe that the epistemological potential of the thought experiment, which allows us to build a model for the realization of the real impracticable (and specifically in bioethics, the morally uncertain), allows us to expand the cognitive component of expert evaluations. Thus, the thought experiment opens an additional opportunity to clarify (concretize) the real sphere of applicability of the principles and norms of bioethics through the interaction of social, humanitarian and natural sciences in expert assessments.

Keywords: bioethics, biomedicine, expertise, thought experiment, epistemology.

References

1. WMA Declaration of Helsinki, *Ethical principles for medical research involving human subjects*. Available at: <https://www.wma.net/policies-post/wma-declaration-of-helsinki-ethical-principles-for-medical-research-involving-human-subjects/> (accessed: 14.06.2023).
2. Pruzhinin, B.I. (2021), Expertise as an epistemological phenomenon, *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, vol. 37, is. 3, pp. 393–402. (In Russian)
3. Pruzhinin, B.I. and Vetrov, V.A. (2022), Expertise as a form of science development: Fundamental vs applied, *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, vol. 38, is. 4, pp. 534–546. (In Russian)
4. Lymon, R. and Franklin, A. (2021), Replication the experiment, pt. I, *Voprosy filosofii*, no. 8, pp. 116–129. (In Russian)
5. Pronskikh, V.S. (2021), Is replication always important and possible for a scientific experiment?, *Voprosy filosofii*, no. 8, pp. 103–115. (In Russian)
6. Pruzhinin, B.I. (2021), Replication of experiment as a tool of cognition (epistemological analysis), *Voprosy filosofii*, no. 10, pp. 18–28. (In Russian)
7. Filatov, V.P. (2010), Mental experiments in science and in philosophy, *Epistemologiya i filosofiya nauki*, no. 3, pp. 5–15. (In Russian)
8. Mikeshina, L. A. (2018), Mental experiment, its role in historical science, *Dialog so vremenem*, vol. 65, pp. 35–47. (In Russian)
9. Earp, B. et al. (2020), Experimental Philosophical Bioethics, *AJOB Empirical Bioethics*, no. 11, pp. 30–33.
10. Singh, I. (2016), Evidence, Epistemology and Empirical Bioethics, in: Ives, J., Dunn, M. and Cribb, A. (eds.), *Empirical Bioethics: Theoretical and Practical Perspectives (Cambridge Bioethics and Law, vol. 37)*, Cambridge University Press, pp. 67–83.
11. Edwards, K. and Deans, Z. (2016), Empirical Bioethics and the Role of the Professional Ethicist in Policy-Making: Politics, Authority and Expertise, in: Ives, J., Dunn, M. and Cribb, A. (eds.), *Empirical Bioethics: Theoretical and Practical Perspectives (Cambridge Bioethics and Law, vol. 37)*, Cambridge University Press, pp. 51–66.
12. Tishchenko, P.D. (1996), To the question of the methodology of mental experiments in bioethics, in: *Filosofiya biologii (pamiati R. S. Karpinskoi)*, Moscow: IF RAN Publ., pp. 194–213. (In Russian)

13. Yudin, B.G. (2018), *Human: Going beyond the limits*, ed. by Iudina, G.V., Moscow: Progress-Traditsiia Publ. (In Russian)
14. Alpert, J. (2021), *A Philosophical Thought Experiment in Medical Ethics*. Available at: [https://www.amjmed.com/article/S0002-9343\(21\)00557-X/fulltext](https://www.amjmed.com/article/S0002-9343(21)00557-X/fulltext) (accessed: 04.07.2023).
15. Foot, P. (1967), The Problem of Abortion and the Doctrine of the Double Effect, *Oxford Review*, no. 5, pp. 5–15.
16. Mikhail, J. (2007), Universal moral grammar: Theory, evidence and the future, *Trends in Cognitive Sciences*, no. 11, pp. 143–152.
17. Kirk, E. P. et al. (2021), Gene selection for the Australian reproductive genetic carrier screening project (“Mackenzie’s Mission”), *European Journal of Human Genetics*, no. 29, pp. 79–87.
18. Moen, O.M. (2022), Why good work in philosophical bioethics often looks strange, *Theoretical Medicine and Bioethics*, no. 44, pp. 1–12.
19. Vetrov, V.A. (2021), Problema neidentichnosti v genetike: konsekventialistskii podkhod, in: *Aktualnye problemy gumanitarnykh i sotsialnykh issledovaniy: materialy XIX Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii molodykh uchenykh v oblasti gumanitarnykh i sotsialnykh nauk*, Novosibirsk: NGU Publ., pp. 66–69. (In Russian)
20. Parfit, D. (1984), *Reasons and persons*, New York: Oxford University Press.
21. Doolabh, K., Caviola, L., Savulescu, J., Selgelid, M. and Wilkinson, D. (2019), *Is the non-identity problem relevant to public health and policy?* Available at: <https://bmcmedethics.biomedcentral.com/articles/10.1186/s12910-019-0379-5> Abs1 (accessed: 04.07.2023).
22. Lippman, A. (1992), Led (Astray) by Genetic Maps: The cartography of the human genome and health care, *Social Science & Medicine*, vol. 35, no. 1, pp. 1469–1476.
23. Charlene, G. (2019), *Many “Ways of Looking”: Physician Refusal of Embryo Transfer*. Available at: <https://bioethics.hms.harvard.edu/journal/mdrefusal-embryo-transfer> (accessed: 12.07.2023).

Received: May 13, 2023
Accepted: September 7, 2023

Authors' information:

Boris I. Pruzhinin — Dr. Sci. in Philosophy, Professor, Leading Researcher; prubor@mail.ru
Vladimir A. Vetrov — Research Fellow; vetrov21v10@gmail.com